

УДК 821.161.1

Г. А. Островатикова

ДОМ В «ОЧЕРКАХ БУРСЫ» Н. ПОМЯЛОВСКОГО И ПОВЕСТИ «РЕСПУБЛИКА ШКИД» Г. БЕЛЫХ И Л. ПАНТЕЛЕЕВА

Исследуется традиционный для русской литературы и культуры образ *дома* на материале «Очерков бурсы» Н. Г. Помяловского и повести Г. Белых и Л. Пантелеева «Республика Шкид». В «Очерках...» Помяловского бурсацкое училище наделяется устойчивыми чертами антидома-ада, в котором гибнут его обитатели. В «Республике Шкид» образ казенного дома – Шкиды – трансформируется из «республики», дома-государства в дом-гнездо, который дает жизнь.

Ключевые слова: *пространство, дом, антидом, бездомье, дом-гнездо, дом-государство.*

Образ дома, по мнению многих исследователей (Ю. Лотман, Т. Цивьян, В. Щукин, Ю. Степанов) [1], является традиционным в русской культуре и литературе. Через топос и образ дома часто реализуется тема корней, истоков, начала жизненного пути героя, объясняются особенности его личности. В архетипических представлениях дом всегда ассоциировался со *своим*, безопасным пространством, отгороженным от внешнего, *чуждого* мира. В этом случае дом выступал как микрокосмос, особый мир, в котором рядом родные – старшие и младшие – защитники и требующие защиты. В нем действуют *свои* – хорошо известные правила поведения, нормы общения и общежития. Наряду с этим в фольклорной традиции встречается и противопоставление *дома* как *своего*, безопасного пространства *антидому* – месту *чуждому*, опасному.

Подобную традицию можно обнаружить и в литературе. Ее своеобразное проявление можно наблюдать, например, у Н. Помяловского – писателя-реалиста, представителя демократической литературы 1860-х гг. Автобиографические «Очерки бурсы» созданы Помяловским в 1861–1863 гг. на фоне больших романов А. Гончарова, И. Тургенева, Л. Толстого, Аксакова, в которых дом – «место взросления, формирования человека, укрепления его нравственных ценностей на основе жизни семьи, идиллически воспринимаемого (вспоминаемого) быта-бытия помещичьего дворянства» [2, с. 5]. В «Очерках...» мы наблюдаем другую тенденцию.

Герои очерков – воспитанники Петербургского духовного училища при Александро-Невской лавре – бурсе. Бурсаки оторваны от родного дома, и мир для них оказывается разделенным на жизнь в отеческом доме и жизнь в бурсе.

Интерес к «Очеркам бурсы», и в том числе к бурсе как к пространству, где живут, воспитываются дети и подростки, к ее устройству у критиков возник сразу после выхода первого очерка – «Зимний вечер в бурсе». В посвященной ему, в том числе, заметке «Два слова о двух статьях», опубликованной в журнале «Время» (№ 9, 1862), критик называет бурсу «отчужденным домом». Более того, он говорит о

прямой связи образа бурсы с образом «*мертвого дома*» М. Ф. Достоевского: как каторжники в «Мертвом доме» Достоевского считают часы, дни до освобождения, так бурсаки ждут окончания курса [3].

Бурсацкое училище, действительно, сразу выступает в функциях *другого*, чуждого, мертвого дома. Бурса – казенный дом. И дело не только в этом. Парадоксально, но духовное училище предстает как антидом, средоточие всего, что угрожает жизни.

В основе сюжета очерков можно видеть прохождение героями своеобразных кругов бурсацкого ада: в их функциях выступают традиционные развлечения бурсаков, учеба, отношения с педагогами. Тема бурсацкого ада задана логикой событий первого очерка – нарастающей травлей новичка Семенова, которого бурсаки подозревают в фискальстве. Эта травля включена в описание традиционных «развлечений» бурсаков в свободное от учебы время. Семенов, как многие до него и после, становится жертвой бесконечно изощренных («оригинальных») забав, в которых бурсаки реализуют свою энергию. Игры в «щипчики», «скромные», «постные» связаны с причинением не только физической боли, но и с унижением. В этих эпизодах бурсаки прямо сравниваются автором с чертями, их игры – с бесовскими забавами, а бурса прямо названа адом: «Если бы привести в класс свежего человека, не слышавшего стонаний бурсака, он подумал бы, что это грешные души воют в аду» [4, с. 284].

По мере нарастающей травли Семенова приметы ада сгущаются: «В классе так темно, что за два шага не распознать лица человеческого... Общее впечатление было дико. Звуки мешаются и переплетаются. <...> Ругань висит в воздухе, крики и хохот, козлоглагольствуют, грегочут и поют на гласы и вкушают затрешины» [4, с. 281]. К физическим и нравственным страданиям Семенова добавляется чувство гнетущей тоски, одиночества и ужаса. Но испытания, устраиваемые чертями-воспитанниками в «играх», оказываются только первыми кругами ада: к страданиям, причиняемым ученикам, добавляются наказания учителей, и наконец, после чудовищной процедуры – «пфимфы», устроенной бурсаками Семенову за

предательство, его «стаскивают замертво» в больницу.

Жизнь бурсы жестко структурирована «старшими». Руководство училища установило «власть товарища над товарищем» и в среде учеников, назначая из их числа цензора («царя»), аудиторов («придворный штат»). Второкурсные («аристократия») охотно проявляют свою власть по отношению к младшим. В бурсе все решает сила, превосходство над слабым, младшим. Учителя по любому поводу применяют жестокие телесные наказания к бурсакам: сечение розгами, порку «на воздушях» и т. д. Власть силы, жестокость демонстрируется на всех уровнях отношений.

В четвертом очерке «Бегуны и спасенные бурсы» автор возвращается к ситуации первого очерка. Карась – герой, наделенный автобиографическими чертами, оказавшись в училище, проходит те же испытания, что и Семенов. У него также нарастает чувство тоски, одиночества: он ощущает себя всем чужим. Но в его душе еще живет желание доказать новым товарищам свой характер, «вполне достойный бурсака». Он пытается сделать *чужое*, пугающее пространство бурсы *своим*, стремится, как он выражается, «обжиться», приспособиться к порядкам училища, стать хорошим учеником. В отличие от Семенова, Карась не опускается до предательства и завоевывает свое место среди учеников. Но после порки «на воздушях» по приказу учителя в его сознании окончательно закрепляется четкое представление о бурсе как «царстве бесконечных мучений». Мальчика с неплохими человеческими задатками, готового учиться, умеющего анализировать окружающий мир, бурсацкая система лишает перспектив, как и предателя Семенова. Уже став автором очерков о бурсе, имея за плечами опыт педагогической работы, Помяловский признавался в том губительном влиянии, которое оказала на него атмосфера бурсы: «Сам погиб, – говаривал он [Н. Помяловский. – О. Г.], – но брату погибнуть не дам и в бурсу не пущу! <...>» [5, с. 132]. Не сумев справиться с чувством отчаяния, неприкаянности, апатии и лени, которые начали его мучить еще в училище, он начал пить, и умер от гангрены в 28 лет.

Противопоставление дома как места жизни и бурсы – «мертвого дома» осуществляется писателем через соотношение ряда других устойчивых признаков того и другого: через освещение, звуки, цветовые, осязательные характеристики. В бурсе слышатся крики, плач, хохот, ругань, лай, мяуканье и кряканье, свист и визг, гвалт или же стоит *мертвая* тишина; воздух смешан с запахом нечистот; отсутствует освещение – его либо нет вовсе, либо царит угрюмый и неприветливый полумрак. И с первых страниц очерков бурса предстает как пространство, угрожающее смертью: автор упоминает о прогнувшемся потолке, который постоянно грозит падением.

Образ бурсы как *антидома-ада* поддерживается и устойчивыми мотивами «северного» русского ада, отмеченного холодом. Холод становится основным, характеризующим бурсу свойством. Автор отмечает такие детали пространства, как стены, промерзающие зимой насквозь; ледяные одеяла, которыми укрываются бурсаки; нетопленные холодные печи; промороженный пол; сырой и холодный воздух. Холод, измеряемый в градусах, поддерживается и холодом в отношениях между обитателями бурсы, который выражается в равнодушии к страданиям другого, «замороженности» человеческих чувств: типичная реакция в бурсе на боль другого – хохот. Рифмующимися оказываются и слова и состояния. Атрибутом, характеризующими бурсу как место смерти, становится также упоминание о калеках, больных и обезображенных уже в училище.

Пространство становится у Помяловского выражением «непространственных» значений. *Духовное* училище – бурса предстает средоточием зла не только социального, но и нравственно-этического, находящего выражение в общей *без-духовности*, безнравственности, дикости, необузданной жестокости. Бурса оказывается адом, из которого нет выхода. Родительский дом, воспринимаемый бурсаками в мечтах и воспоминаниях как идиллическое пространство, сопоставимое с раем, остался позади, и в него уже не вернуться. В конце последнего, пятого, очерка пространство бурсы размыкается до образа Дома-России. Образ бурсы дает основание для обобщающей характеристики состояния русского мира: адом в ощущении Помяловского становится вся Россия.

Образ бурсы-антидома-ада воспринимается тем острее, что «Очерки бурсы» выходят на фоне печатающихся в разных периодических изданиях фрагментов «Семейной хроники» С. Т. Аксакова с их идиллическим изображением жизни русского дворянства, «золотого времени детского счастья», жизни в доме, семье, где о ребенке заботятся. Но с 1850-х гг., особенно в очерках, набирает силу тенденция изображения детства вне родительского дома и семьи, остро раскрывается ситуация бездомья человека. В некотором смысле Помяловский предвосхищает роман «Господа Головлёвы» М. Салтыкова-Щедрина, где показан распад семьи, где уже *родной* дом представлен как антидом, как «змеиное логово», в котором умирают один за другим его хозяева.

Особую актуальность образы дома/бездомья/*другого* дома обретают в русской литературе 1920–30-х гг.: дом остается своеобразной константой художественного мышления. Современные исследователи [6] отмечают существование в русской прозе 1920–30-х гг. двух разных тенденций в осмыслении образа дома. В произведениях «традиционной» прозы 1920-х гг. («Окаянных днях» И. Бунина, «Солнце мертвых» И. Шмелёва, «Белой гвардии» М. Булгакова, «Тихом Доне» М. Шолохова, «Сивцевом Вражке» М. Осор-

гина и др.) актуализирован образ гибнущего дома-гнезда. В центре произведений другого ряда представлены образы площади, улицы (завода, клуба, дома-коммуны) – словом, тех помещений, способ общего существования в пространстве которых был антитезой дома-гнезда [6].

Герои многих произведений 1920–30-х гг. советской поры изображаются в дороге, в военных походах, в боях, на рабочем месте – в «деле», на стройке – далеко от дома. На это указывают уже названия произведений: «Партизанские повести» Вс. Иванова, «Падение Даира» А. Малышкина, «Железный поток» А. Серафимовича, «Ветер» и «Сорок первый» Б. Лавренева, «Конармия» И. Бабеля, «Разгром» А. Фадеева, «Города и годы» К. Федина, «Котлован» А. Платонова и т. д.

Появляются произведения, местом действия которых становятся нового типа школы, учебные заведения, интернаты, колонии и т. д., в которых собраны герои, по разным причинам утратившие дом.

Первая повесть молодых авторов Г. Белых и Л. Пантелеева «Республика Шкид» (1927) по своей тематике примыкает к этому ряду произведений о сложных путях и судьбах юного поколения. Большая их часть повествует об этапах беспризорной жизни подростков («Правонарушители» Л. Сейфуллиной, «Ташкент – город хлебный» А. Неверова, «Рассказы беспризорников о себе» А. Гринбер, рассказы А. Кожевникова, вышедшие отдельными изданиями и сборниками, – «Вокзальники», «На улице», «Злые огни» и т. д.).

«Очерки бурсы» Помяловского и «Республику Шкид» разделяет более 60 лет, но их объединяет автобиографичность материала, тема, изображение места действия – закрытое учебное заведение.

Шкидцы – дети и подростки, которые в условиях отгремевшей войны лишились дома и семьи. Как и герои Помяловского, они оказываются в пространстве казенного дома – школы им. Достоевского для трудновоспитуемых подростков (Шкиде). Как и «Очерки...» Помяловского, повесть молодых авторов, недавно окончивших школу, создана на автобиографической, фактической основе: она воссоздает первые годы недолгого существования Шкиды.

«Республика Шкид» начинается как повествование очеркового типа с авторской информации о восстановлении разрушенных в годы революций и гражданской войны учреждений, в которые определяли детей-беспризорников, оставшихся без родителей. В начале первой главы здание, предназначенное для школы, предстает как место, непригодное для жилья, напоминающее бурсу: «Ветер и дождь попеременно лизали каменные стены опустевшего училища, выкрашенные в чахоточный серо-желтоватый цвет. Холод проникал в здание и вместе с сыростью и плесенью расплзался по притихшим классам, оседая на партах каплями застывшей воды» [7, с. 14]. Но ха-

рактеристики пространства, остающиеся у Помяловского неизменными, в «Республике Шкид» даны как изменяемые. На первой же странице сообщается, как «оживает», восстанавливается запущенное здание бывшего коммерческого училища, как приезжают подводы с дровами, чтобы отогреть помещение, как еще неперсонифицированное государство обустривает перед прибытием воспитанников. Уже это задает для будущих воспитанников перспективу иной жизни, нежели была уготована беспризорникам и, тем более, бурсакам.

Отремонтированное, отогретое здание Шкиды наполняется жизнью с прибытием первой партии необузданных воспитанников. В «новорожденной» школе царит «невообразимый беспорядок»: для прибывших из разных мест беспризорников еще не существует правил поведения в условиях общежития, но они, измученные улицей, в противоположность бурсакам, уже чувствуют *тепло*.

Первое, что собирает, «сближает» ребят – печка: «...поминутно брызгающая красными искрами печка с веселыми язычками пламени собирала вокруг себя всю школу. Усевшись в кружок, ребята рассказывали друг другу свои похождения... Полумрак, теплота, догорающие в печке поленья будили в ребятах новые мысли. Затихали. Каждый думал о своем» [7, с. 16]. Так очаг, традиционно являющийся сакральным центром дома, своим теплом соединяет, сближает ребят с первых дней жизни в Шкиде.

Было отмечено, что рассказ о Шкиде начинается с информации о чей-то «высокой» заботы о *месте* обучения и воспитания детей – о *доме*, в котором бывшие беспризорники будут перевоспитываться. Как только появляются первые шкидцы, государственная власть в образе директора школы Викниксора персонафицируется. Жизнь Шкиды задумана им по модели страны-государства. Не случайно Шкида в конечном счете названа *республикой* (первое название повести – «Королевство Шкид»). Слова «королевство» и «республика» в названии задают восприятие происходящего в повести в контексте поиска новых форм общей жизни, устроенной по модели государства.

В повести показан процесс превращения Шкиды в особый *дом*, *дом-государство*. Этот процесс начинается с введения Викниксором герба с изображением подсолнуха и появления собственного гимна школы. В школе вводятся система самоуправления, выборы старост отделений и т. д. Под влиянием Викниксора в Шкиде складываются определенные нормы отношений, возведенные в правила поведения (например, «не травить новичков»), определяется распорядок дня, проявляется забота педагогов о досуге учеников – всего того, что помогает шкидцам почувствовать себя защищенными: «Янкель впервые почувствовал, что наконец-то найден берег, найдена тихая пристань, от которой он теперь долго не отчалит» [7, с. 32].

Шкида, как и бурса, объединяет две важных функции: это место обучения и жизни воспитанников в замкнутом, отгороженном от внешнего мира пространстве. Но если в «Очерках бурсы» мы видим результат, проявление устоявшегося быта училища, то в повести Белых и Пантелеева показан процесс становления Шкиды глазами воспитанников. И если в начале акцентируются именно официальное назначение и обозначение Шкиды – «детский дом», «школа для дефективных», то, по мере того как складываются и получают развитие традиции Шкиды, развивается образ Шкиды как дома, гнезда.

Последние коннотации широко проявляются в авторском тексте: Шкида «стала родной и близкой», «в родной шкидской спальне», «дружная шкидская семья». Тем самым, пространство Шкиды маркируется авторами как «свое», «одомашненное». Шкида как семья, гнездо проявляется и в распределении ролей. Викниксор выступает не только в роли формального представителя власти в школе, но и в роли старшего, отца, о чем неоднократно говорится в повести («...мягко, по-отечески заговорил» [7, с. 22]), к ученикам он обращается: «ребята», «дети». Он всегда находится рядом со шкидцами и даже в чем-то похож на них внешне: одет так же бедно и плохо, как его ученики: «[Гришка. – О. Г.] Сразу определил, что заведующему не по плечу клетчатый пиджак, и заметил отвисшее голенище сапога» [7, с. 31].

Еще важнее проявление отцовских качеств Викниксора в драматических, неожиданных ситуациях. Первое «серьезное дело» в истории школы – кража учениками табака из кладовой – заканчивается для них «неожиданно». После разоблачения они ждут неминуемой кары, но педагоги после долгого совещания решают не наказывать их за этот проступок. Эмоциональный шок, пережитый в момент объявления результатов педсовета, чувство благодарности к учителям за человеческую заботу, смешанные с осознанием низости своего проступка и настоящим раскаянием, создают первый, хотя и краткий, момент единения воспитанников и учителей: «Ребята облепили заведующего, сразу ставшего таким хорошим, *похожим на отца*. А он стоял, улыбался, гладил рукой склоненные головы. <...> В порыве он [Гришка. – О. Г.] задрал голову и еще более умилился. Викниксор – гроза шкидцев, Викниксор – строгий заведующий школой – тоже плакал, как и он, Янкель, шкидец...» [7, с. 43]. У воспитанников, почувствовавших давно забытое отцовское отношение и понимание, впервые получивших вместо наказания прощение, начинают ломаться установки, заложенные улицей.

Ситуация прощения старшими ребят, совершивших проступок, характерна для жизни Шкиды в целом. Каждый срыв, который кажется отступлением, оказывается для шкидцев пусть небольшим, но шагом вперед, накапливает, расширяет основания для взаимопонимания разных сторон.

Можно говорить, что в подобных ситуациях Викниксор выступает в функциях отца из евангельской притчи о блудном сыне. Истории многих шкидцев, представленные в их воспоминаниях, начинаются с добровольного ухода из родного отеческого дома, иногда даже резкого разрыва с ним. В воспоминаниях ребят речь идет о соблазне свободой и романтикой воровского мира улицы, этапе серьезных испытаний. Опустившиеся на самое «дно жизни», ставшие малолетними бандитами, налетчиками, они начинают возвращаться к нормальной жизни только в Шкиде. Важной на этом пути оказывается заложенная притчей о блудном сыне возможность прощения «отцом» за проступок, возможность начать строить отношения заново. Доверие педагогов к шкидцам, способность понять и простить их помогают бывшим преступникам «выпрямиться», поверить в свое будущее. Повесть трансформирует историю о «блудном сыне» в главной ее части: возвращение после испытаний домой. Однако, покинув родной дом, герои «Шкиды» возвращаются уже не в свой отеческий дом, а в *другой*, необычный, и, что характерно для новой культуры, *общий дом*, к *другому* отцу, образ которого воплощен в Викниксоре.

Тем самым, мотив тепла, заданный с первых страниц повести поддерживается внешним теплом печки и нарастающим доверием, теплом отношений шкидцев между собой, добрым, теплым отношением педагогов к своим воспитанникам и воспитанников к ним.

В финале повести собирающиеся оставить школу воспитанники осознают себя птенцами, покидающими родное *гнездо*. Название предпоследней главы – «Птенцы оперяются» – усиливает тему и образ дома-гнезда. Финальный образ гнезда перекликается с заданным еще в одной из начальных глав повести образом подсолнуха, изображенным на шкидском гербе. Эти образы не только соотносятся визуально (оба имеют форму круга), но и связаны с семантикой тепла. Тепло солнца – условие роста подсолнуха, тепло гнезда и родителей – для птенцов. Гнездо как место взросления характеризуется достаточно недолгим пребыванием в нем и интенсивным периодом роста и развития птенцов. Воспитанники, находясь в Шкиде 2–3 года, делают за это время огромный шаг в своем не только физическом, но и в нравственном, моральном и интеллектуальном развитии, что называется, «становятся на крыло»: тепло, измеряемое в градусах, и тепло человеческих отношений готовит шкидцев к «полету», к дальнейшей жизни. Перед окончанием школы они выбирают профессии, твердо уверены в своем будущем. Таким образом, Шкида соединяет основные функции дома и гнезда – *питает, воспитывает*, дает им жизненные силы, *учит* жить по-человечески, преодолевая соблазны «блудного» существования.

В заключение отметим, что в «Очерках...» Помяловского преобладает слово повествователя. Автор

накапливает, усиливает черты, детали ада на всех уровнях каждодневного, бытового и официального существования бурсы. Значительная часть рассказа о Шкиде отведена критическим моментам, срывам воспитанников. Авторы видят себя в кругу шкидцев, заново переживают каждую ситуацию, активно вводят драматические элементы – сцены споров, диалогов, обсуждений с собственной речью участников, фик-

сацией жеста, поведения, что позволяет объективировать процесс развития Шкиды. И если в начале повести воспитатели настойчиво вводят в сознание учеников понятие *республики* как способа организации жизни, то с течением времени, насыщенного событиями, в преодолении кризисных ситуаций в словах, текстах самих шкидцев все отчетливее нарастают мотивы ощущения Шкиды как *дома-гнезда*.

Список литературы

1. Лотман Ю. М. Дом в «Мастере и Маргарите» // Лотман Ю. М. Семиосфера. Статьи. Исследования. Заметки. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. С. 314–320; Цивьян Т. А. Дом в фольклорной модели мира // Семиотика культуры. Труды по знаковым проблемам. Тарту, 1978. № 10. Вып. 463. С. 65–76; Щукин В. Г. Дом и кров в славянофильской концепции. Культурологические заметки // Вопр. философии. 1990. № 1. С. 135–146; Степанов Ю. С. Дом, уют // Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академический проспект, 2004. С. 826–831.
2. Головчинер В. Е. «Что такое счастье, каждый понимал по-своему...» К 100-летию А. П. Гайдара // Вестн. ТГПУ. 2005. Вып. 6 (50). С. 5–8.
3. Два слова о двух статьях // Время. 1862. № 9. URL: <http://small.karelia.ru/~filolog/vremja/1862/Septem/dvaslova.htm>
4. Помяловский Н. Г. Избранное / сост., вступ. статья и примеч. Н. И. Якушина. М.: Советская Россия, 1980. 432 с.
5. Цит. по: Ямпольский И. Помяловский // Литературная энциклопедия: в 11 т. Т. 9. М.: ОГИЗ РСФСР, Гос. ин-т. «Советская энциклопедия», 1929–1939. С. 129–134.
6. Разуvalова А. И. Образ дома в русской прозе 1920-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2004. 25 с.
7. Белых Г., Пантелеев Л. Республика Шкид. М.: Музыка, 1981. 296 с.

Островатикова Г.А., аспирант.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, г. Томск, Томская область, Россия, 634061.

E-mail: ostr-galina@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 31.05.2010

G. A. Ostrovatikova

HOME IN «SEMINARY SKETCHES» BY N. G. POMYALOVSKY AND «THE SHKID REPUBLIC» BY G. BELYKH AND L. PANTELEEV

The concept of *Home*, which is traditional for Russian literature and culture, is explored in the context of «Seminary Sketches» by N. G. Pomyalovsky and «The Shkid Republic» by G. Belykh and L. Panteleev. The Seminary (Bursa) in «Seminary Sketches» by N. G. Pomyalovsky has attributes of an *Anti-Home-Hell*, in which its inhabitants perish. By contrast to this, a character of the state-owned house *Shkid* in «The Shkid Republic» by G. Belykh and L. Panteleev idtransforms from «Republic», *Home-State* to *Home-Nest* which gives its pupils a better start in life.

Key words: *living space, home, anti-home, homelessness, home-nest, home-state.*

Tomsk State Pedagogical Univesity.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Tomskaya oblast, Russia, 634061.

E-mail: ostr-galina@yandex.ru